

МИНОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики

**ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКА ЭПОХИ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА
«ПИЩЕБЛОК» (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ В ШКОЛЕ)**

**АВТОРЕФЕРАТ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
БАКАЛАВРА**

студентки 4 курса 441 группы

направления 44.03.01 Педагогическое образование

профиль «Филологическое образование»

факультета гуманитарных дисциплин, русского и иностранных языков

Орловой Ксении Сергеевны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

А. П. Романенко
инициалы, фамилия

Зав. кафедрой
профессор, д.ф.н., профессор
должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

О. Ю. Крючкова
инициалы, фамилия

Саратов 2025

Введение. *Актуальность* *предпринятого исследования* обусловлена необходимостью комплексного изучения лексической динамики и советского языкового наследия как в научной, так и в школьной филологической практике. Роман «Пищеблок» представляет собой важный лингвокультурный источник, позволяющий выявить речевые особенности эпохи и предложить пути их методического освоения.

Объект исследования: текст романа А. Иванова «Пищеблок».

Предмет исследования: языковые и лингвокультурные особенности, отражающие советскую эпоху в романе «Пищеблок».

Цель исследования: выявить черты языка советской эпохи в романе А. Иванова «Пищеблок» и обосновать возможности их методического применения при изучении лексической динамики в школе.

Задачи исследования:

1. дать обзор научных исследований языка советской эпохи;
2. охарактеризовать творчество А. Иванова и его отражение в филологических исследованиях;
3. дать общую характеристику романа «Пищеблок»;
4. выявить и описать ритуалы советской культуры, отраженные в романе «Пищеблок»;
5. описать речевые события в романе;
6. выявить слова-советизмы и показать их функции в романе;
7. выявить советские клише, лозунги, вывески, речевки и показать их функции;
8. рассмотреть изучение советизмов в методическом аспекте: составить элективный курс на платформе советизмов.

Методологическая и теоретическая база исследования: работы по лингвокультурологии, социолингвистике, стилистике, методике

преподавания русского языка (А. П. Романенко, В. В. Глебкин, Т. В. Савина, М. Д. Купарашвили, В. М. Мокиенко и др.).

Материалы исследования: основной материал – роман А. Иванова «Пищеблок»; дополнительные источники – словари советизмов, молодежного жаргона, научная и методическая литература.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые проводится комплексный анализ лексико-стилистических особенностей романа «Пищеблок» в аспекте репрезентации языка эпохи, а также разрабатывается авторский элективный курс по лексической динамике.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении механизмов языковой репрезентации исторической эпохи в художественном тексте и в расширении представлений о роли художественной литературы как источника лингвистических данных.

Практическая значимость. Результаты могут быть использованы при составлении школьных элективных курсов, факультативных занятий, а также при проведении уроков по теме «Лексика как отражение эпохи» и при формировании лингвокультурной компетенции учащихся.

Структура исследования: Настоящая работа состоит из введения, трех глав основного текста, заключения, списка использованных источников и приложения. Во введении обоснована актуальность исследуемой проблемы, сформулированы объект и предмет, определены цель, задачи и методы исследования.

В первой главе проанализированы лингвистические исследования языка советского времени и специфика художественного языка А. Иванова.

Во второй главе рассмотрены языковые маркеры советской эпохи в романе «Пищеблок»: ритуалы, речевые события, словарь эпохи, устойчивые речевые формы.

В третьей главе предложена методическая модель элективного курса, раскрыта дидактическая ценность изучения лексической динамики на материале художественного текста.

В заключении представлены выводы по проведенному исследованию.

Основное содержание.

В первой главе рассматриваются этапы формирования советского языка, анализируются научные подходы к изучению советской речевой культуры, особенности функционирования идеологически маркированной лексики, развитие жаргона, аббревиаций и клише.

Рассматриваются первые шаги становления советского языка, начиная с 1917 года. Анализируются лингвистические трансформации, обусловленные революцией и сменой общественного строя. Отмечается, что язык нового государства выполнял функцию не только коммуникации, но и идеологической мобилизации. В центре внимания – работы А.М. Селищева, который рассматривал речь революционного периода как особый историко-речевой феномен, насыщенный лозунгами, агитками, ораторской прозой. А.П. Романенко в своих исследованиях делает акцент на формировании «советской словесной культуры», то есть системной идеологической речи, включающей в себя устойчивые фразы, пафосные формулы, аббревиатуры и стилистическую шаблонность. Т.В. Савина вводит понятие «русский язык советского типа» и отмечает его главные черты: обилие идеологизированных абстракций, словослияний, канцеляризмов и штампов. М.Д. Купарашвили говорит о «лингвистическом повороте»,

когда язык перестает быть стихийным и становится сознательно сконструированным инструментом государственной власти.

Подчеркивается изменение речевой политики в более поздние годы. В 1960-х годах начинается переоценка советского языка как чрезмерно нормативного и стилистически «мертвого». К.И. Чуковский в книге «Живой как жизнь» критикует канцелярит и пропагандистскую речь за отрыв от живой языковой среды. В это же время нарастает влияние разговорной, неофициальной речи, в том числе молодежного жаргона.

Ключевой для понимания позднесоветского языка становится мысль А. Юрчака о «ритуальном повторении»: язык все чаще функционирует как самовоспроизводящаяся цитатность, утратившая связь с реальностью. Г. Гусейнов анализирует «советские идеологемы» – слова, выражения, образы, обладающие ритуальной функцией и мощным символическим значением (например, «борьба за мир», «трудовой подвиг»). Даже после перестройки они продолжают существовать как культурные «фантомы». Отмечается рост влияния просторечий и сниженной лексики в публичной речи конца 1980-х – начала 1990-х годов, как средство демократизации языка (по Лонской).

Рассматривается роль Алексея Иванова как автора, реконструирующего речевую атмосферу прошлых эпох. Его романы используются в университетских курсах и филологических исследованиях. Приводятся примеры анализа речевой структуры в «Географе...», «Блуде и МУДО», «Сердце Пармы». Особое внимание уделяется авторским экспериментам с жанрами, фольклором, молодежной речью и стилизацией. Иванов использует язык как ключ к пониманию культуры, социума и идеологии. Отдельно отмечаются его размышления о «кризисе вербальности» – разрушении связи между

словом и делом в постсоветском обществе, что напрямую связано с опытом идеологической речи позднего СССР.

Таким образом, советская эпоха породила уникальную языковую систему с высокой степенью идеологической регламентации. Проза А. Иванова представляет собой ценный источник реконструкции этой системы в художественной форме. Язык советского времени – это динамичная, идеологизированная, но многослойная структура, чья репрезентация в литературе требует внимательного стилистического и лингвокультурного анализа.

Во второй главе проводится лексико-стилистический анализ романа «Пищеблок». Выделены ключевые лексические пласты: советизмы, молодежный жаргон, клише и идеологизированная лексика. Рассматриваются речевые события (линейки, совещания, кружки), формы институционального говорения, анализируется фигура Серпа Иваныча как символа ритуального языка.

На основе концепции В. В. Глебкина раскрывается, как институты позднесоветской жизни (линейки, совещания, пионерские собрания, кружки) функционируют как ритуальные коммуникативные события. Анализируются сцены с участием Серпа Иваныча – он не просто персонаж, а символ ритуальной власти, олицетворение идеологической дисциплины. Его речь – то цепочка заученных формул, лишенная индивидуальности, но наполненная нормативной властью. Примеры из текста демонстрируют, как герои участвуют в ритуализированных формах общения, где важна не суть, а форма и подчиненность. Так, линейка – это не мероприятие, а обряд с телесными и вербальными паттернами: выстраивание, салют, речевка, благодарность. Даже несогласие подростков не отменяет участия в ритуале – они «встраиваются» в него телесно и речево.

Показаны и «совещания вожатых», где обсуждение превращается в каноническую процедуру: формулировки, санкции, выводы – по шаблону. Язык здесь функционирует как механизм распределения статуса и подтверждения принадлежности. Мероприятия лагерной жизни – викторины, концерты, встречи – также подчинены ритуалу, где речь служит оформлением идеологической нормы.

Представлен подробный лексико-семантический анализ слов, отсылающих к реалиям советской жизни. Используются словари В. Мокиенко, Т. Никитиной, Елистратова, Грачева и др. Выделены ключевые советизмы, выполняющие не только номинативную, но и стилистико-идейную функцию: «пионер», «колхоз», «совхоз», «горком», «значок», «ДОСААФ», «дружина», «субботник», «СССР» и т.д. Эти слова маркируют пространство, время и социальную структуру. Также анализируется молодежный жаргон 1980-х годов, в речи подростков: «борзеть», «байда», «мильтон», «дыбать», «гасить», «башли». Эта лексика отражает уличную, протестную, ироническую стилистику подростковой среды.

Жаргон противопоставляется нормативному лагерному языку взрослых – это вторая реальность, неофициальная, но живая. Она подчеркивает антагонизм между поколениями и языковыми режимами. Показано, как Иванов вплетает речевые клише и ритуальные формулы: «будь готов», «на благо Родины», «трудовое соревнование» – как маркеры идеологической речи. Их повторяемость делает речь шаблонной, механической и символической. Речь вожатых, детей и администрации показывает разные уровни подчиненности идеологическому языку: кто-то повторяет его бездумно, кто-то – с насмешкой, кто-то – из страха.

Проводится анализ устойчивых речевых формул, визуально-речевых клише и речевых практик, выполняющих в романе ритуальную

и идеологическую функции. Исследование строится на основе концепции ритуальной коммуникации, предложенной В. В. Глебкиным, и демонстрирует, как в тексте Иванова воспроизводится речевая реальность позднесоветского лагеря как модели идеологически организованного пространства.

Центральным предметом анализа становятся устойчивые синтаксические конструкции и речевые клише, типичные для официальной и лагерной среды конца 1970-х – начала 1980-х годов. В романе систематически используются выражения: «Флагу – салют!», «Будь готов – всегда готов!», «На благо Родины», «Общественное важнее личного», «Что все – то и ты». Эти речевые формулы не несут информации в коммуникативном смысле, но выполняют ритуально-дисциплинарную функцию: они маркируют начало и завершение действия, задают модель поведения, выстраивают субординацию и демонстрируют принадлежность к коллективу.

Через плакаты автор показывает, как визуальные элементы включаются в речевую ткань лагерной жизни: плакаты с изображениями идеальных пионеров и лозунгами функционируют как наглядные речевые маркеры, транслирующие нормы поведения. Эти тексты обладают стилистической избыточностью и подчеркивают ролевую модель советского подростка – трудолюбивого, дисциплинированного, жизнерадостного, преданного системе. Плакат здесь выступает как визуально-речевой механизм внушения.

Особое внимание уделено анализу речевок, лозунгов, перекличек и хоровых фраз, которые воспроизводятся детьми на линейках, собраниях, конкурсах и мероприятиях. Эти речевые единицы организуют не только коммуникацию, но и телесное поведение – дети обязаны произносить фразы синхронно, вскидывать руки, стоять по стойке смирно. Таким образом, речевка становится формой телесного и

речевого подчинения. Примеры из текста демонстрируют, что даже в тех случаях, когда участники испытывают отторжение, скуку или внутренний протест, они продолжают участвовать в ритуале – язык действует независимо от содержания и мотивации.

Речевые формы организованы по типу ритуального говорения, где важны не новизна и смысл, а точность, повторяемость и правильность исполнения. Формулы приветствия, коллективного ответа, поддержки, поощрения и отчета воспроизводятся по заранее заданным шаблонам. Таким образом, речь теряет диалогический характер и превращается в механизм идеологической синхронизации. Проводится разграничение между языком власти и языком подростков. Первый строится на клишированных, нормативных формулах, второй – фрагментарно сопротивляется ритуализации, но в условиях лагеря оказывается подчиненным. Даже молодежный жаргон, проявляющийся в частной речи героев, вытесняется на периферию официальных событий.

Таким образом, роман «Пищеблок» демонстрирует сложную систему позднесоветского языка – официально-ритуального, идеологически маркированного, но одновременно подверженного внутреннему расслоению за счет молодежного жаргона и бытовой речи. Иванов реконструирует не только лексику, но и модели речевого поведения, что позволяет использовать его текст как лингвокультурную модель для анализа языка эпохи.

В третьей главе представлен элективный курс «Язык – это путь цивилизации и культуры», основанный на материале романа, с методическим обоснованием его целесообразности. Курс направлен на освоение понятий лексической динамики, развитие аналитических и интерпретационных навыков.

Обосновывается важность привлечения художественных текстов для изучения лексической динамики. Подчеркивается, что материал

романа «Пищеблок» позволяет развивать у школьников навыки анализа исторических и стилистических слоев языка.

Показывается, как на материале советизмов можно формировать представление о социально-исторической обусловленности лексики, ее устаревании, трансформации, переосмыслении. Приводятся приемы работы с лексикой в формате проблемных вопросов, сопоставлений, интерактивных заданий.

Дается структура курса, его цели, содержание и модули (например: «Речь как зеркало эпохи», «Лексика тоталитарного государства», «Язык лагеря и школа говорения» и др.). Курс рассчитан на старшие классы, включает анализ текстов, словарную работу, создание мини-исследований.

Отмечается, как данная тема может быть интегрирована в учебный план, какие УУД и метапредметные компетенции она развивает (историческое мышление, рефлексия, филологический анализ, социолингвистическая чувствительность и т.п.).

Таким образом, изучение советизмов и языка эпохи на основе романа А. Иванова способствует углубленному пониманию языковых процессов, формирует критическое отношение к тексту и культуре, развивает компетенции анализа речевой среды. Предложенный элективный курс обеспечивает практическое освоение понятий лексической динамики средствами художественной литературы.

Заключение.

Особое внимание уделяется средне- и позднесоветскому периоду, когда происходили мощные идеологические и культурные сдвиги. Язык этого времени отражает не только систему власти, но и образ жизни, мышление и коллективные установки людей.

В работе рассматриваются подходы к анализу языка разных этапов советской истории. Подчеркивается интерес исследователей к повседневной речи и жанрам официального общения того времени. Роман Алексея Иванова «Пищеблок» используется как ценный источник — не просто для фиксации языковых черт позднего СССР, но и для понимания, как сами носители воспринимали эту речь.

На примере романа выявлены характерные языковые признаки эпохи: речевые ритуалы (собрания, линейки, агитация), агитационные штампы, лозунги и повседневная идеологическая лексика. Показано, что эти элементы не просто создают стиль, но и служат смысловой опорой текста — передают атмосферу времени и придают повествованию достоверность.

Кроме того, рассматривается, как включать изучение такой лексики в школьную программу. Предлагается элективный курс «Язык — это путь цивилизации и культуры», где школьники через анализ советизмов учатся думать о языке как о культурном феномене. Курс построен на деятельностном и личностно-ориентированном подходах и может быть полезен старшеклассникам, интересующимся гуманитарными дисциплинами. Использование фрагментов из «Пищеблока» помогает сделать занятия живыми и приближенными к реальному историко-культурному контексту